

Епифанович Сергей Леонтьевич

[Рец.] на П. Минин. Главные направления древне-церковной мистики. Сергиев посад 1916

профессор Сергей Леонтьевич Епифанович

Печатавшееся в «Богословском Вестнике» с 1911 г. (1911, декабрь, стр. 823–838; 1913, май, стр. 151–172; 1914, июнь, стр. 304–326; сентябрь, стр. 42–68) ученое исследование П. М. Минина о главных направлениях древне-церковной мистики недавно – почти накануне 1916 г. – вышло, наконец, в свет отдельным изданием. Все, кто еще по Богословскому Вестнику знакомы с этой работой, несомненно, будут весьма рады ее появлению. Она теперь весьма кстати, судя по увеличению мистических запросов в нашем обществе и литературе. Она вообще тем более кстати, что может направить внимание читателей от ложных и болезненных мистических порывов к здоровой и святой мистике отцов Церкви. Автор книги – полный хозяин своей темы. Он уже известен как ученый работник в области изучения мистики. Перу его принадлежит весьма хорошая брошюра «Мистицизм и его природа» (Серг. пос., 1913). Но особенно с блестящей стороны обнаруживает он себя в настоящем своем произведении. В своей книге он дает обзор древне-отеческой мистики на большом протяжении времени – от Климента александр. до Симеона Нового Богослова, с одинаковым вниманием исследуя каждого из затрагиваемых им церковных писателей. Все исследование автора написано по первоисточникам. Привлечена им также и вся нужная литература – специальная и общая, русская и иностранная. Но что особенно пленительно в его книге, так это те широкие обобщения, которыми он украсил свою работу. В этом не малое его преимущество пред другими учеными исследователями. Обыкновенно в ученой работе детальные изыскания поглощают все внимание исследователя: в результате он разменивается на мелочи, сужает свой кругозор и теряет способность подыматься на ту высоту, с которой он мог бы окинуть широким взором свой сырой разрозненный материал, определить в нем главнейшие типы и общие особенности, подвести случайные скопления фактов под закономерные, так сказать, рамки и представить их в виде

органически связных и последовательных рядов. Но именно от указанного недостатка свободен наш автор. Способность и усердие к детальному анализу не уступает у него силе синтеза. Он смело создает широкие и всеобъемлющие обобщения. Благодаря этому ему удается в общих штрихах нарисовать целую картину развития древне-христианской мистики, живописно оттенить отличительные черты отдельных ее типов и рельефно изобразить особенности мистического склада каждого изучаемого писателя, насколько те выразились в творческих продуктах их высокого религиозного духа.

Автор устанавливает, как результат своего исследования, три главных направления древне-церковной мистики – «абстрактно-спекулятивное», «нравственно-практическое» и примирительное. После общей характеристики их (1–11) он переходит к изложению воззрений представителей первого направления (12–39). Здесь под его умелым пером начинают с величавой последовательностью в дымке философского глубокомыслия проноситься пред нами возвышенные воззрения *Климента александр.*, первого представителя церковного мистического $\gamma\nu\omega\sigma\iota\varsigma$ 'а *Дионисия Ареопагита*, загадочного автора загадочных, почти непонятых по возвышенности богословствования книг, и *св. Григория Нисского*, этого величайшего в отцах философа. На смену этим великанам богословствующей мысли, отцам абстрактно-спекулятивной мистики, выступают у автора далее люди чувства и подвижнического делания, представители **нравственно-практического направления** мистики, с их более простым, более наглядным и вместе полным более живого и яркого чувства духовно-мистическим опытом. После *Оригена*, значение которого в отношении к мистике можно признать просто миниатюрным по сравнению с его огромными заслугами в богословии, живо и наглядно во всем блеске и красоте своих глубоких и проникновенных созерцаний встает пред нами *преп. Макарий Египетский*, поистине Великий среди великих; за ним – не менее привлекательный тайновидец мистического богословия *преп. Симеон Новый Богослов*, в XI в. воскресивший в одряхлевшей Византии предания святой старины и пробудивший в ней высшие запросы мистического чувства (39–69). Наконец, как объединение того и другого направления, отмечается у автора третье – «**этико-гностическое (примирительное)**» направление, и в числе представителей его получают сжатую, но полную характеристику *преп. Исаак Сириин* и *преп. Максим Исповедник* (69–86).

Так в сжатой и цельной картине охватывает автор в своем сочинении всех значительных представителей мистики в древней Церкви до XI в

(кроме только разве Евагрия). О каждом из них он вкратце дает исчерпывающее представление и всецело вводит своего читателя в содержание его таинственных воззрений. И как делает это кратко и сжато! То поистине драгоценное качество автора: в малом он дает много. Из небольшой книги он создает прекрасное руководящее пособие к обозрению всей древне-церковной мистики, не нанося при этом никакого ущерба интересам детального исследования. Осведомленность и литературные дарования автора умеют показать себя и без широковещательных выступлений. Изящество изложения в его книге сочетается со строгой научностью трактации, краткость с содержательностью. Вот где один из тех немногих случаев, когда и с малой книгой делают серьезный вклад в науку.

Конечно, кое в чем можно с автором и не согласиться. Нам, напр., кажется, что автор чрезмерно преувеличивает (вслед за Koch'ом) преобладание у св. Григория Нисского спекулятивного элемента, отождествляя его мистику с отвлеченнейшей апофатикой Дионисия Ареопагита. Если принять во внимание некоторые места в сочинениях Григория Н., особенно в комментарии на Песнь Песней и в соч. «О девстве» (ср. нашу книжку «Преп. Максим Исповедник и византийское богословие». Киев, 1915, стр. 16), то у него можно найти не меньше этических элементов, чем и у Оригена, относимого автором к представителям нравственно-практического направления мистики. Кстати сказать, Оригена, как нам кажется, можно только с некоторыми ограничениями считать мистиком: вряд ли это был ум, способный переживать высокие трепетания мистического духа. Во всяком случае, по своим мистическим задаткам он значительно уступал Клименту алекс., с которым бы его лучше всего было и сопоставлять в отделе спекулятивно-философской мистики. О Симеоне Н. Богослове следует отметить, что он, собственно, приближается к примирительному направлению. Относительно представителей последнего направления можно сделать два побочных замечания. Автор напрасно считает Исаака Сирина предшественником преп. Максима (стр. 81, прим. 5). Теперь твердо установлено, что преп. Исаак жил в конце VII и нач. VIII в., т. е. после преп. Максима. В выдержке из пр. Максима на стр. 82 допущена опечатка: вм. κατὰστασις нужно ἀνάστασις.

Но все это – мелочи. В общем же книга П. М. Минина по своим научным и литературным достоинствам должна быть признана едва ли не за лучшее произведение в нашей литературе по вопросам мистики. Можно, поэтому, усиленно рекомендовать ее просвещенному вниманию

нашего образованного общества.

Содержание

Епифанович Сергей Леонтьевич [Рец.] на П.
Минин. Главные направления древне-церковной
мистики. Сергиев посад 1916 профессор Сергей
Леонтьевич Епифанович

1